

с водителями быстро и аккуратно приводили в надлежащее состояние автомашины. Одна за другой, строго по графику, из мастерской отправлялись колонны грузовиков. Их вели шоферы, уходящие в Красную Армию. Все шоферы в один голос заявляли: «Скорее на фронт, громить ненавистного врага!»

Об итогах первых трех дней мобилизации Ойрот-Турский райком общал обкому партии: «По плану город и район должны были поставить в РККА 100 лошадей, поставлено — 112, автомашин — 62, поставлено — 62. При призывном пункте имеется стол оправок. Для отъезжающих в армию проводится сбор подарков. Собрано всего подарков на 6 тысяч рублей». Усть-Канский райком ВКП(б) в своей информации сообщал: призывной состав прибывает в райвоенкомат своевременно к установленному сроку. На призывном пункте читаются лекции о международном положении, проведено ряд бесед на различные темы, организовано три стола справок. А вот сообщение Шибалинского райкома партии: «На сборный пункт военнообязанные явились досрочно. Команды укомплектованы полностью. Наряды по поставке лошадей и автомашин выполнены» (*Бражников Я.И. Указ. соч. С. 22*).

Таким образом, в первые дни войны областная партийная организация и советские органы провели огромную работу по организации призыва военнообязанных и отправке их в места формирования. Вместе с этим проводилась большая политико-воспитательная работа. В результате мобилизации была проведена организованно. Конский состав, автотранспорт и сбруя представлялись в указанные военкоматами пункты в назначенные сроки.

Т.А. ЯКОВЛЕВА

ЕВРАЗИЙСТВО КАК НАЧАЛО КРИТИКИ ЕВРОЦЕНТРИЗМА В ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕЧАТИ В 1920-е гг.

Комплекс евразийских идей часто представляют в исторической научной литературе как образец единственной новаторской историко-философской доктрины, возникшей в русском зарубежье. Новаторство проявляется, прежде всего, в разнополюсности и часто взаимоисключении идеологических выводов и оценок в евразийстве. Эмигрантское происхождение евразийства не только вызвало непризнание такой враждебной идеологии в Советской России, но и определило дальнейшую его судьбу, где отношение к евразийству совпадало с отношением к идеологическому «мусорному» истории.

В эмигрантской газете «Возрождение», издаваемой в Париже, в 1927 г. в статье П.Б. Струве уже заметно это понимание: «Евразийцы должны понять урок: нельзя пользоваться идеями, не служа им. Нельзя

вместо мировоззрения иметь набор противоречивых идей, произвольно выдвигаемых и употребляемых по мере надобности и удобства. Евразийцам грозит историческая участь — оказаться ни богу свечкой, ни черту кочергой» (*Возрождение. Париж. 1927. 12 февр.*). Дальнейшая эмигрантская судьба евразийства показала, насколько прав оказался П.Б. Струве. Евразийское движение все больше дробилось и раскалывалось, а в 1930-е гг. вообще затихло в идейном многоголосье русского зарубежья. Возможно, евразийские идеалы в эмиграции располагались вне крайних точек зрения: правых или левых, «правее левых и левее правых», по мнению Г.В. Флоровского, вне схемы «правый-левый» по мнению Н.С. Трубецкого, что и вызывало неприятие евразийской идеи.

В современной российской идеологии евразийство также остается в состоянии идеологической «свалки». У каждого автора или исследователя — свой вариант евразийства. А значит, евразийская концепция недопустима до практической реализации, не способна к изменению стратегической программы развития России, (допустим горькое замечание о сомнении в наличии таких программ вообще). Несовпадение и противостояние идеологии и практики можно объяснить положением евразийской идеологии вне российского евроцентризма. Здесь следует обратить внимание всего лишь на одну составляющую евразийской идеологии в эмиграции. Как противники большевизма, евразийцы оправдывали советскую власть и социалистическую революцию в ее антиевропеизме. И это оправдание, в значении начала критики российского евроцентризма, может способствовать созданию новой современной российской идеологии с возможностью практической реализации.

Евразийство может не только возродиться, но и выступить в роли критики российского евроцентризма. Качественного и действенного антиевроцентризма в современной российской идеологии катастрофически не хватает. В России прочно укоренилась идеология «мировой цивилизации», куда России необходимо вернуться. Помогает такому «возвращению» идеология западничества. Но опасность, по мнению известного политолога С. Кара-Мурзы, заключается в том, что «под маской западничества сегодня скрывается евроцентризм — расистская идеология Запада, возникшая вместе с капитализмом в недрах протестантского мироощущения» (*Кара-Мурза С.Г. Евроцентризм — эдипов комплекс интеллигенции. М., 2002. С. 9*).

Евроцентризм — идеология, претендующая на универсальность, но все же таковой не являющаяся. Успех этой идеологии в средствах массовой информации не придает ей никакой научной ценности, а наоборот, лишь отражает глубокий кризис западной общественной мысли. Известный лозунг «Следуй за Западом — это лучший из миров» обладает для России особой разрушительной силой. Эмигранты-евразийцы понимали и подчеркивали несоответствие Запада и России. В культурном плане Россия всегда была частью Запада, но не Западом, христианским миром, но

не современным, а традиционным обществом; традиционным обществом, но не Востоком. Идеи Запада приносили в России часто аномальные и разрушительные плоды. В парижском «Возрождении» была напечатана статья М.В. Шахматова «Евразийство и русское самобытичество», где автор жестко выступал против евразийцев. М.В. Шахматова, равно как и П.Б. Струве, не устраивало то, что евразийцы отвергали «всю ту культуру, которая существовала в России, а на месте разрушенного хотели создать что-то новое» (*Возрождение. Париж. 1927. 16 июня*). Но отвергалось евразийцами, прежде всего, западная часть русской культуры. Они, скорее, интуитивно предчувствовали губительные и далекоидущие последствия европеизации России. Это понимание вело евразийцев к продолжению критики евроцентризма. Они искали и обнажали те стороны отечественной истории, которые больше всего страдали от европеизации.

В эмиграции евразийцы считали себя носителями идеологии консервативной революции, пытались искать компромисс там, где его нет. Даже П.Н. Милюков, взгляды которого в эмиграции традиционно характеризуются в целом неодобрением и отрицанием евразийства, в одной из статей в парижской газете «Последние новости» назвал евразийцев реальными политиками, а их учение — стройным мировоззрением на основе национализма (*Последние новости. Париж. 1927. 7 февр.*). В этом смысле будущее России для участников полемики — это будущее Евразии. Евразийцы критически относились к влиянию западноевропейской культуры, считая его губительным для России: социальный кризис, война, революции — все это порождение европеизма, результат отклонения России от определенного для нее евразийского пути развития.

В беспощадной критике и борьбе эмигрантской печати против советской власти, в постоянной полемике разных идейных течений в эмиграции, в спорах вокруг евразийства достаточно часто, отчетливо и ярко проходила одна и та же мысль, высказываемая разными авторами: европейская культура губительна для России.